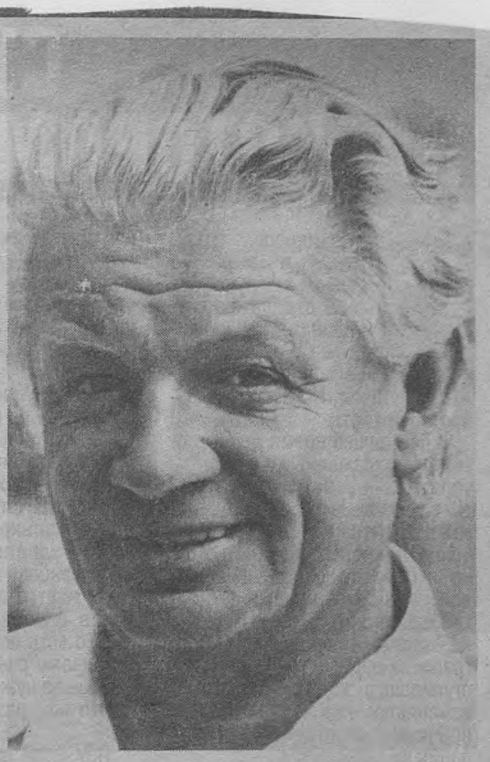
ПОЧЕМУ МОЛЧИТ МАНЕЖ?



Когда-то многое в нашей жизни мы объясняли системой запретов, жестокой цензурой. В цирке в первую очередь это касалось клоунов, их репертуара. Тем не менее, в самые сложные времена клоунада пыталась затронуть насущные вопросы нашего бытия. И благодарные зрители долго помнили остроты, прозвучавшие с манежа.

Постепенно ослабевала страшная сила, повелевавшая голосом разума. Нам даровали свободу слова. И все вдруг заговорили. Обо всем. Иногда, захлебываясь от счастья, что можно, наконец-то, высказаться. Неважно о чем. Что ж, видимо, этим нужно переболеть, чтобы идти дальше.

Вот уж когда настала пора клоунам отыграться, за долгое, вынужденное терпение! Казалось, что теперь у них «развяжутся» языки и зрительный зал «умрет» от смеха. Вопреки нашим ожиданиям, ничего подобного не происходит.

Цирк, словно потеряв все временные ориентиры, продолжает жить в счастливом неведении, в никаком году. И клоуны, по-прежнему, веселят нас, как много лет назад, забавными шутками, безобидными сценками времен золотой поры «застоя», неизменными пародиями на акробатов и жонглеров.

Но только ли клоуны виноваты в этом? Разумеется, нет.

Когда долго-долго нам внушают: «Нельзя! Нельзя! Нельзя!» И вдруг: «Льзя!»— поневоле растеряешься, голова пойдет кругом. Одолеют сомнения — может, послышалось? Пожалуй, лучше переждать. Так надежнее.

Вот и вышло — сначала ждали перемен. А когда они пришли, оказалось, что привыкли, приспособились и высовываться теперь ни к чему.

Впрочем, не будем лукавить. Цирк перестал быть злободневным, бичующим наши общественные пороки и стыдливо научился «играть в молчанку» не вчера и даже не десять лет назад.

«А нынешний манеж притих. Цирковые остряки считают, что раньше «Великим Немым» называли кино, а теперь, если не «великим», то «немым» можно назвать цирк...

Попробуем разобраться, какова доля правды в этой совсем не веселой шутке.

Ушли с манежа сатирические фельетоны как на международные темы, так и на внутренние... Умолкли злободневные куплеты... Не звучат задорные частушки... Онемели музыкальные клоуны, они теперь не поют и не разговаривают, как знаменитые Бим-Бом, и только играют на разных инструментах... Нет у нас «разговаривающих» клоунов-дрессировщиков, сатириков с трансформацией и без...

В большой артистической семье Союзгосцирка насчитывается всего лишь одна (!) пара буффонадных клоунов...

Иногда, кроме стихов в прологе, ни единого слова за весь вечер на манеже не произносится».

Такими грустными размышлениями поделился с читателями «Правды» известный эстрадный и цирковой драматург Юрий Благов. Когда это было? В 1975 году. В чем же тогда видел корень зла признанный мастер? За ответом обратимся еще раз к статье Ю. Благова «Автора — на манеж!».

«Сценарий — основа циркового спектакля. Если в старину пантомимы писали цирковые директора, то не в силу своих литературных дарований, а потому что зачастую были единственно грамотными в труппе людьми. Теперь же одной грамотности маловато.

...Цирк не терпит многословия, предпочитает «мысль, выраженную через трюк». Слово на манеже произносится тогда, когда оно необходимо, и дилетантская приблизительность ему противопоказана. Естественно, с ходу всем этим не овладеешь. Нужны и конкурсы, и семинары цирковой драматургии... Пока же цирки на местах живут с писательскими и журналистскими организациями разобщенно. Ряды «цирковых литераторов» тают и мало восполняются».

Итак, уважаемые читатели, чтобы на наших глазах родилась шутливая импровизация или прозвучал едкий монолог, его кто-то должен придумать. Конечно, есть мастера манежа, которые обходятся и без посторонней помощи. Они самостоятельно пополняют свой репертуар. Но как быть менее талантливым? Им ведь тоже работать надо. А шутки имеют свойство блекнуть, подобно стертой монете, долго бывшей в употреблении. На помощь артистам приходят литераторы или, как их принято называть, авторы.

Сегодня у нас в гостях автор многочисленных реприз, фельетонов, клоунад и представлений, член Союза писателей СССР Юрий БЛАГОВ.

Если о цирковом режиссере или хореографе публика имеет хотя бы смутное представление, то о нашем брате, цирковом драматурге, почти никакого. Работа наша, по заведенному встарь обычаю, анонимна. И все же мы существуем.

Более сорока лет отдал я литературной работе для цирка и о цирке. Многочисленные папки в моем книжном шкафу хранят рукописи представлений для детей и взрослых. Особенно памятна мне работа с М. Местечкиным над программой для «солнечного клоуна» Олега Попова в старом московском цирке. За эти годы в разных издательствах вышли многочисленные сборники стихов и книги о цирке.

Но цель нашей сегодняшней встречи — не воспоминания. К сожалению, должен признать, что мое давнее выступление в «Правде» актуально и сегодня. Изменилось ли что-либо в цирке с тех пор? Да, изменилось, но в худшую сторону.

Недавно журнал «Крокодил» отметил, что клоуны в наших цирках, включая и столичные, то и дело теряют штаны. Выше этого юмор не поднимается. Но, подметив столь забавный факт, автор любимого мной журнала не назвал причин столь распространенного ныне явления.

А их достаточно. Но главная, на мой взгляд, заключается в том, что Союзгосцирк практически ликвидировал репертуарный отдел. Тот самый, что в былые годы являлся средоточением московских сатириков и юмористов. Они много и охотно писали для цирка, и содружество это крепло с течением лет. Итогом его становились пантомимы и феерии, клоунские спектакли и номера. «Пароход идет «Анюта», «Лечение смехом», «Ребята с Арбата», «Шутки в сторону»— эти программы проходили с огромным успехом и главная роль в них отводилась клоунам. В цирк шли на Карандаша, О. Попова, Г. Маковского и Г. Ротмана, Ю. Никулина и М. Шуйдина, А. Николаева.

Сегодня еще по сохранившейся привычке бабушки ведут в цирк внучат. Да и то, скорее, дрессированных зверушек посмотреть. Взрослым здесь просто скучно. И прежде всего потому, что программы стали безликими. А их лицом могут и должны быть клоуны.

Но ярких, самобытных клоунов по пальцам перечесть, да и сравнится ли их популярность с Карандашом, О. Поповым, Ю. Никулиным. Кто, кроме Ю. Куклачева, так же именит сегодня? Но Куклачев ушел из Союзгосцирка. Равноценной замены нет. Да и может ли быть в искусстве замена, когда все зависит от индивидуальности? А индивидуальность нужно выявить и дать вызреть росткам таланта. Сколько клоунских пар распалось на моих глазах, сколько групп доживает последние дни, поскольку их никто не «подпитывает» современным репертуаром! Вот и приходится клоунам терять на манеже штаны...

По меньшей мере странно, что в огромных апартаментах Союзгосцирка не нашлось одной комнаты для репертуарного отдела. Его «сослали» под крыло Всесоюзной дирекции. Что ж, работники главка люди подневольные — куда направят, там и служить будут. Однако наивно полагать, что литераторы дружно устремятся в Измайлово, где создана малопонятная музыкально-литературная мастерская.

Наверное, кто-то чем-то думал, прежде чем назначить В. Струкова руководителем этой мастерской. Ранее он, видимо, преуспел в сочинении музыки для цирковых номеров. Многочисленные цирковые оркестры и композиторы, пишущие для цирка, наверное, нашли в его лице авторитетную поддержку и опору. Но как быть с нами, литераторами? Ведь тот же Струков должен профессионально разбираться во всех нюансах нашего труда, чтобы иметь право принять или отклонить сценарий или репризу. Да, начальников, не обремененных необходимыми знаниями, у нас в стране пруд-пруди!

Что ты, в самом деле взъелся на Струкова, скажут мне коллеги и будут правы. До него нами также успешно командовал А. Луковников. Пройдя школу комсомольской работы, он мог руководить любым делом. Не знаю, испытывал ли он хоть иногда угрызения совести от собственной некомпетентности, но встречаться с авторами упорно не желал. Ибо наш руководитель понятия не имел, о чем с нами нужно говорить. Чем не тема для клоунады? И не надо ехать в командировку, весь материал собран и хранится в родном главке!

Сегодня, как никогда, цирку необходимо живое, меткое слово. Посмотрите, что за эти годы произошло на эстраде. Там, как грибы после хорошего дождя, один за другим выросли писатели-сатирики. Да какие! Их имена знает вся страна.

У нас же боязнь острого слова не изжита до сих пор: зачем рисковать, пусть уж клоуны лишний раз потеряют штаны...

Конечно, во времена застоя бывало и хуже. Откликнулся клоун В. Коваленко на злобу дня, вышел на манеж, как говорится, в разобранном виде, а на вопрос шпрехшталмейстера: «Что случилось?», ответил: «Стоял за картошкой...» В зале-хохот. А в директорской ложе — обида. Городской голова тут же позвонил министру культуры Демичеву, тот — в Союзгосцирк. И артисту запретили выходить на манеж.

Такие примеры — лучший ориентир в творческих поисках. Чтоб другим неповадно было.

Есть еще одна веская причина того, что перевелись остряки на манеже, — зарубежные гастроли. Ясно, что в какой-нибудь далекой стране зритель скорее откликнется на забавную пантомиму, чем на малопонятный каламбур. Многие клоуны при этом ссылаются на Леонида Енгибарова. Однако Енгибаров умел и без слов сказать многое, в чем его подражателей не обвинишь. Хороший артист и, я уверен в этом, стремится быть на высоте прежде всего у себя дома.

Недавно на одном из московских кладбищ открыли памятник знаменитому Виталию Лазаренко. Звучали проникновенные речи, а виновник торжества, естественно, молчал. А мог бы сказать что-нибудь такое: «Братцы!.. Меня помнят не только за рекордные прыжки, но и за огненное слово, которое я нес с манежа в народ. Мне помогал Маяковский, меня ценил Луначарский. Он ведь призывал клоунов «быть публицистами». Так что же вы на арене молчите? В эпоху гласности цирк — безгласный?»

А что тут скажешь? Чтобы клоуны «заговорили», нужен репертуар. Чтобы был репертуар, нужны авторы. А чтобы были авторы, нужен отдел, способный организовать и направить их работу. По собственному опыту могу сказать, что более двух лет я не у дел, мой коллега Б. Романов простаивает и того более. И это при постоянном «голоде» на сценарии.

Работа с активом авторов должна быть постоянной. Просто необходимы творческие семинары, конкурсы сценариев. Это очень важно, особенно для молодых. Но заботливой руки, толкового организатора этого процесса пока нет. А само по себе ничего не получается.

И все-таки хочется верить в то, что смех на манеже получит постоянную прописку. Глядишь, и потянется в цирк зритель, как бывало, предвкушая встречу с клоунами. А потом будет вспоминать увиденное. Помните, как говорил А. Грин: «В цирке я смеялся, как дурак, а потом думал: над чем же я, дурак, смеялся».

Монолог Ю. Благова записала В. СЕРГЕЕВА.

Сов. цирк. — 1990. — 7 июня (№23). — с. 10